

Елена Максимова

Яна в без/Пределе

Елена Максимова

Яна в без/Пределе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73202153

SelfPub; 2026

Аннотация

Магия истончается и молодая ведунья-кондитер Яна, веселая и добрая девушка, отправляется в застывший мир на помощь магии. Ее ждут увлекательные приключения. Кто не спрятался, она не виновата.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Елена Максимова Яна в без/Пределе

Пролог

**В избе было тихо, только чайник
на печи посапывал, да огонёк
свечи колыхался от их дыхания.**

Домовой Игнат, закутанный в стёганный халат, из-под полы, которого торчали два забавных, непарных носка, сидел развалившись в кресле.

Напротив, на чурбаке, восседал Банник – коренастый, пропаренный насквозь дух, от которого пахло дубовым венником и мокрым камнем.

Прихлёбывая чай из жестяной кружки с надписью "Советская Армия" и разминая мозолистую пятку, Банник продолжил начатый разговор:

– И всё-таки, Игнат, не пойму я твоей привязанности к этим... лохмотьям. Смотри-ка, у тебя же палец наружуглядит. Не по-хозяйски это! Наш брат, домовый дух, должен солидно выглядеть. У меня вот – лапти, из лыка, всё как поло-

жено, а у тебя?!

– Это, брат Баня, не лохмотья. Это, можно сказать, философия. Вся суть бытия домового тут, в этой дыре. – Игнат с достоинством провел ладонью по правому носку и показал на протёртое место, на большом пальце. – Вот гляди: бытие стремится наружу, к познанию сквозняков и тайн подполья, а я его тут, в тепле и уюте, удерживаю. Баланс.

Баня проследил за указательным пальцем друга и его взгляд упёрся в потолок.

– Баланс, – фыркнул банник, – у тебя один носок толще другого, а ещё левый-то, как мешок болтается!

– А, это – вместилище! – торжественно провозгласил Игнат, запуская руку в просторный левый носок и с шумом вытаскивая оттуда гладкий гольш. – Вот, к примеру, камень. Казалось бы, бессмыслица, ан нет! Для почесать пятку – смысл. Для грелки – смысл. А вот, главный смысл в том... – он загадочно понизил голос – ...что он здесь. Мой. В моём носке. В моём доме. Вся вселенная, брат, иерархаична: камень в носке, носок в доме, дом в моих руках и я на вершине этой пирамиды, в тёплых носках.

Банник, почесал в задумчивости бок. Хмыкнул и спросил :

– Гм... А если носки сносить совсем? Дыра на дыре? Исчезнет твоя вселенная, что ли?

Игнат усмехнулся, положил себе под язык кусочек сахара, запил чаем, крякнул от удовольствия и продолжил:

– Дурак, ты Баня! Не исчезнет. Она преобразуется. Станет вентиляцией или сеткой для ловли лунных зайчиков. Или... памятником усердной службе. Или... да вариантов много – пространственные вариации бесконечны.

Банник задумчиво покрутил свою кружку. Оторвал взгляд от потолка, посмотрел на причудливые очертания носков Игната, на свои лапти:

– Значит, выходит, смысл моего бытия – лапти?

Игнат важно кивнул:

– А смысл лаптей – париться, а смысл париться – чтобы потом с чувством выполненного долга чай пить. Вот и весь круговорот смыслов в деревенском хозяйстве.

Они молчали, попивая чай. За окном скрипела старая берёза.

Вдруг банник сказал с лёгкой завистью:

– ... А, почесаться-то ими, твоими носками, и вправду, хорошо?

Игнат, с победоносным блеском в глазах протянул ногу:

– Испытай гармонию мироздания, дружище. Только осторожно, не нарушь баланс.

Банник, с некоторым благоговением, почесался о грубую, тёплую шерсть правого носка.

В избе повисло удовлетворённое молчание, полное глубокого смысла.

Глава 1

Неожиданный гость.

За окном кондитерской лавки "В гостях у Яны" выла самая настоящая снежная ведьма – метель.

Метель бушевала, заметала деревенские улицы, стучала ставнями и напрочь отрезала крошечную лавку с пахнувшей – имбирём, ванилью, и ещё чем-то экзотическим – витриной, от всего остального мира.

В кондитерской было тихо и тепло. Огонь уютно потрескивал в печи.

Яна Андреевна Воронцова в этот вечер была похожа на тёплую пряничную фигуру. Лет ей было немногим больше, чем она любила признавать вслух, но выглядела она на те самые "счастливые тридцать с хвостиком", которые у ведуний могут тянуться очень долго.

Волосы цвета спелой ржи, обычно собранные в небрежный, но очаровательный пучок, из которого сейчас выбивались пряди, обрамляли лицо с ясными серо-зелёными глазами. В их глубине, словно отблески зари, пробегали золотые

искорки.

Одета она была в удобное платье из мягкой домотканой шерсти цвета лесного мха, поверх которого был надет яркий, расшитый магическими узорами-оберегами фартук. На её запястьях позвякивали простые браслеты из дерева и камней, а на шее висел единственный кулон – высушенный цветок бессмертника в смоле.

Сегодня, Яна задержалась в деревне. Предновогодний ажиотаж! Её фирменные торты с предсказаниями на маковом креме, пирожки "На счастье" с вишнёвым настроением и, конечно, звезда сезона – та самая, дефицитная икра лягушек, дарящая любовь и исполнение желаний, исчезали с витрины в мгновение ока, а стакан фирменного горячего шоколада, в подарок к каждому заказу, подстегивал этот предпраздничный марафон.

Кот Василий – обжора, лентяй и главный обормот, остался в лесной избушке, сославшись на проклятый ревматизм и мигрень. "Врун волосатый, – мысленно хмыкнула Яна, запечатывая последнюю коробку с заказом. – Однозначно с русалками на раздевание играет. Помощничек. Ух, разберусь я с тобой!"

Она вымыла гигантские медные тазы, протёрла столешни-

цу из старого дуба, любовно расставила на полках банки с магическими травами и ягодами.

Посмотрела в окно – крошечная мгла. Идти через лес к избушке сейчас было бы чистым безумием. "Что ж, – подумала Яна, – ночуем тут". В задней комнатке за занавеской стояла старая, но уютная кушетка и главное, что здесь было всё, что нужно: чай, книги, тишина.

Устало вздохнув ведунья присела на край кушетки и воспоминания унесли ее в прошлое.

Яна вспомнила Академию Магии, весёлый гул студентов, беззаботные дни и шалости. Вспомнила его – молодого, остроумного, с искоркой авантюризма в глазах, близкого друга, Костю.

Во что он превратился? В скупердя и зануду, вечно подсчитывающего свои сокровища, да строящего козни людям из-за скуки. Горькая усмешка тронула её губы.

Раздавшийся снаружи шум – не просто вой ветра, а настойчивый, методичный – резко выдернул её из прошлого. Стук. Не в дверь, нет. В окно.

Тук-тук-тук.

Яна вздрогнула. Кондитерская была на отшибе, рядом только волшебный лес. Кто в такую погоду?

Осторожно раздвинула занавеску на окне и ахнула.

На узком козырьке, почти заметённый снегом, сидел домовый.

Его некогда гордый тулупчик из мышиных шкурок был покрыт ледяной коркой и почему-то густо облеплен... сушёными лепестками роз и конфетти. Одна валенка отсутствовала, а вместо шапки-ушанки на голове красовался ярко-розовый, явно дамский, носочек с помпоном. В руках он сжимал потрёпанный холщовый мешок.

– Игнат?! – прошептала Яна, распахивая форточку. Ледяной вихрь ворвался внутрь, закружив бумажки с рецептами. – Ты что здесь делаешь? Это... новый образ?

Существо в розовом носочке жалобно чихнуло, с него посыпались ледяные иголки и конфетти.

– Не смейся, Яна! – выпалил он обиженно. – Это не образ, это крик о помощи! Убежища прошу! От стихии и... от. От цыган!

Он неуклюже пролез в форточку и шлёпнулся на подоконник, отряхиваясь. От него пахло морозом, хвоей и... дешёвым шампанским.

– Поселился я, понимаешь, в кладовой у новобрачных. Думал, вот повезло! Увы! Веселая семейка попалась, гуляют и празднуют они... каждый уик-энд! То годовщина знакомства, то "полгода как поженились", то просто пятница! Обязательно, чтобы цыганский ансамбль "Удаль Молодецкая" выступал! С баяном, бубнами и солистом, который орёт так, что у меня в углах за печкой штукатурка трескается! – Игнат драматично взмахнул руками. – А, сегодня... сегодня они устроили конкурс "Кто громче перекричит солиста"!

Ну, я не выдержал! Схватил свой узелок, да в окно! Тут метель накрыла... Шапку где-то обронил, валенку в сугробе потерял... Пришлось... э-э-э... позаимствовать носочек с бельевой верёвки. Пусти переночевать? В долгу не останусь, помогу, чем смогу, – пол протру, пауков на место поставлю, будут коврами рассчитываться. Яна, забыв про грусть, залилась смехом, представляя важного домового Игната, бегущего от разудалого "Удаль Молодецкая" с бубенцами и солистом.

– Ладно, ладно, заходи и грейся. Только носок этот... –

она с трудом сдерживала улыбку, – может, снимешь? У меня тут запасные валенки есть, детские, должны подойти.

Первая ночь под одной крышей кондитерской прошла на удивление весело. Облачившись в малиновые детские валенки, которые сидели на нём, как сапоги-скороходы, домовой устроился на табурете с огромным бутербродом и кружкой ароматного шоколада, и пока, Яна завершала бумажные дела, травил байки:

– Помнишь, я у библиотекарши Агриппины жил? Так, она меня на курсы повышения квалификации для домашних записала! Дистанционные! Я ей весь интернет в доме завязыванием узелков на Wi-Fi сигнале испортил, лишь бы не слушать эти вебинары про "Современные тренды в энергосбережении коммуникативных помещений".

Под утро метель стихла. Яна, укутавшись в плед, дремала в кресле, под мерное, убаюкивающее бормотание Игната. Голос его становился всё тише и тише, слова – плавнее...

Глава 2

Карта из крошек.

Голос его становился всё тише и тише, слова – плавнее...

Яна крепко спала, убаюканная тихим голосом домового.

Солнечный зайчик скользнул по лицу. Яна моргнула, потянулась и осмотрелась. В кондитерской было тихо и поутреннему свежо. Печь ещё тлела. На табурете, где сидел домовый, лежали аккуратно сложенные малиновые валенки. Самого Игната нигде не было видно.

"Ещё один оболтус на мою голову", – с лёгкой иронией подумала она, отмечая чистоту вымытых полов.

Взгляд скользнул по знакомому пространству и зацепился за деревянный стол, где вчера гость уплетал свой исполинский бутерброд с солёными груздями и сыром.

Тарелка стояла пустая, чисто вымытая, но рядом, на тёмной, отполированной годами и ладонями поверхности стола, что-то было не так. Крошки.

– Странно, тарелка чистая, а крошки не убраны, – задумчиво произнесла вслух.

Крошки лежали слишком уж правильно. Словно кто-то с ювелирной точностью, остриём ножа или тонким когтем, выложил их по тайному чертежу.

Яна замерла, медленно наклонилась, рассматривая рисунок. Примитивный, но ясный. Карта.

Узнаваемые очертания – вот кучка чёрных, блестящих, маковых зёрен отмечала её кондитерскую. От них, будто тропинка, убегала вдаль тонкая, прерывистая линия из хлебных крошек. Она петляла через лес, обозначенный лоскутками сушёной мяты, которые пахли сейчас при её дыхании вкусной, летней свежестью. Тропа вела мимо её избушки – здесь домовый потрудился особенно: крошечная точка из того же мака, а от неё – четыре чётких, коротких чёрточки, изображавшие куриную лапку. Улыбка тронула губы Яны.

Дальше тропинка из крошек становилась тоньше, нервознее, будто рука того, кто её выкладывал, дрогнула от сомнения. Она не упиралась в преграду, не обрывалась. Она просто истончалась и замерла маленьким, но отчётливым завитком – знаком вопроса. Прямо на той границе, где на её мысленной карте начинались земли Кощя.

Ведунья внимательно впитывала детали: вот тут, у знака вопроса, лежала одна-единственная, ярко-жёлтая чешуйка сушёной кукурузы, как предостерегающий маячок. У самого края стола, будто сорвавшись с тропы, закатилась крошечная семечка аниса – маленькая, потерянная звёздочка.

Яна стояла неподвижно, и тишина в кондитерской сгущалась, становясь почти осязаемой. Этот немой вопрос из крошек держал её взгляд.

Мысли метались. У неё лавка. Заказы. Теплый мир понятых вещей – замешивать тесто, карамелизировать яблоки, исполнять заветные кондитерские желания, радоваться улыбкам благодарных покупателей. И даже, обормот Василий, органично вписывался в её размеренную жизнь.

Странный визит домового нарушил равновесие.

– Дурацкий, детский знак вопроса! – воскликнула она, – найду и выпорю! Нет, заставлю лягушачью икру, по крупинкам перебирать! Кто не спрятался, я не виновата!

Яна решительно, смахнула крошки в ладонь, аккуратно пересыпала их в полотняный мешочек – путеводную нить. Подошла к полке с волшебными припасами. Взяла горсть ов-

сяных хлопьев, щепотку блестящей слюды, каплю мёда, собранного с луговых духов, и прядь своих волос. Положила всё в старую фарфоровую чашку с синими цветками.

– Росла, крутилась, в лесу суежилась, – зашептала она, помешивая смесь деревянной ложкой. – Хвостиком махала, орешки таскала. Частицей моего покоя, частицей моей воли стань. Дом пригляди, тесто замеси, покупателю улыбнись. Ко мне явись!

Она дунула на содержимое. Хлопья и слюда взметнулись вихрем, заискрились, слиплись, вытянулись. Через мгновение на столе сидела белка. Шёрстка белки переливалась цветом спелой ржи, как волосы Яны, а в умных чёрных глазках светилась спокойная, деловая искорка.

– Лавку на тебя оставляю, – сказала Яна, глядя прямо в эти глаза. – Продавай, улыбайся, кассу веди. Василий явится – на порог не пускай, пока я не вернусь. Справишься?

Белка кивнула, поправила фартучек и ловко запрыгнула на табурет у прилавка, приняв деловитый вид.

Можно идти.

Яна накинула теплый плащ, взяла посох с набалдашником

из кроваво-красного камня. Повесила на плечо сумочку, где среди пакетиков с травами и солью лежал тот самый путеводный мешочек с крошками. Бросила последний взгляд на свою уютную кондитерскую – на тлеющую печь, на аккуратные ряды банок, на белку-помощницу, уже начавшую протирать столешницу тряпочкой и толкнула дверь.

Утром, после метели, воздух был острым и звонким. Едва видимая тропинка звала за собой.

Глава 3

Тихий шепот.

Я стоял здесь с начала времен. Дуб Иваныч – могучий Колосс с руками-ветвями, в которых бурлила жизнь. Кот Василий, мой друг и проводник по затерянным мирам, рассказывал байки из своих путешествий, а русалка Роза смотрела зелёными, дурманящими глазами.

Потом грянула Великая Битва. Я укрыл их всех, спрятал под своими ветвями – куполом, а сам стал этим столом, в котором застыла последняя капля того старого мира.

Мои доски помнят всё: как девочка Яна, оставшаяся одна, училась варить зелья и волшебную выпечку под присмотром старой Ядвиги. Первые торты и пирожные приходилось именно ей дегустировать. Смелая женщина, была!

Я видел, как движения девочки обретали, ту самую уверенную, мягкую силу. Я любил её спокойное, сосредоточенное присутствие – оно было тихим эхом той магии, что я когда-то защитил.

Сегодня утром на меня легло послание. Я ощутил лёгкие,

когтистые прикосновения, дрожь в обычно наглых пальцах и понял – весть была важной.

Проснулась Яна. Я мгновенно уловил её прерывистое дыхание, замерший пульс в кончиках пальцев и почувствовал, как привычный, уютный мир, который мы строили здесь, дал трещину. Последнее подтверждение я получил, когда она не стерла, а бережно собрала крошки в мешочек. Я всё понял. Она пойдёт и мне, старому дубу, чьи корни навек вросли в это место, стало вдруг невыразимо, щемяще одиноко.

—

Воздух после метели был хрустальным и звенящим. Яна быстро прошла по знакомой тропе к своей лесной избушке. Дом стоял, как обычно, немного косоватый, укрытый шапкой снега, дымок из трубы вился тонкой струйкой – значит, Василий растопил печь. "Радикулит у него, как-же!"

Она остановилась перед крыльцом, словно в нерешительности, какая-то мысль всё время вертелась в голове, мешая ей сосредоточиться.

Снова достала путеводный мешочек и принялась внимательно рассматривать карту. Её внимание привлек кривой палец куриной лапки из мака. Он, как будто указывал на что-

то за углом избы.

Яна решительно пробралась к стене, где стоял старый, уже много лет заброшенный улей-колода. Улей был пуст, пчёлы давно перебрались в новые, удобные домики. Она запустила руку внутрь, в прохладную темноту, мимо паутины и сухих остатков сот.

Пальцы наткнулись на что-то гладкое и холодное. Металл. Она вытащила находку.

Это были старинные, сильно потускневшие карманные часы на цепочке. Корпус был покрыт сложной резьбой – не цветами и завитками, а крошечными рунами и символами, которые она узнала: знаки времени, ветра, памяти.

Яна осторожно приоткрыла крышку. Внутри, вместо циферблата, была матовая, темная поверхность, напоминающая старинное зеркальце.

– Кто здесь? – Тихо спросила она, по привычке обращаясь к магическому предмету.

Поверхность часов дрогнула, словно вода, но через секунду снова застыла. Яна постояла с минуту и как заорёт:

"Ключ – прошлое, замок – настоящий миг.

Повернись, откройся, стальной проводник.

Я правду зову, а не тихий обман,

Говори, свидетель, как вещей болван!"

Поверхность часов снова дрогнула, зашевелилась и из глубины послышался звук – скрип вековых веток, переплетённый с печальным звоном битого стекла.

"Яна Андреевна, – прошептали часы. – Наконец-то. Мы ждали тебя. Ждали, когда ты перестанешь только смотреть в прошлое и начнёшь слушать настоящее".

– Кто "мы"? – Насторожилась Яна, сжимая часы в ладони.

"Мы – то, что осталось от голосов. От эха большой магии. Мы – свидетели угасания. Я – память этого дома, этого леса. Меня спрятал здесь тот, кто чувствовал, что грядёт Великая Тишина".

– Кто чувствовал? Хватит загадками говорить! Отвечай нормально!

"Смотри".

В зеркальце часов проступил туманный образ: люди. Много людей. Они спешили по улицам большого города, уткнувшись в холодные блестящие плитки в руках.

– Мобильники, ну и чего я здесь не видела. В мире, где нет магии их много. Мне Костя рассказал.

"Кощей – не причина. – шептали часы, —он – симптом. Он первым понял, что Магия утекает из мира, как вода из треснутого кувшина. Он испугался за себя. За своё бессмертие. Он не крадёт магию у людей – она и так уходит. Здесь... он просто монополизировал увядающее... Спешите"

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.